

---

## КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИДЕРСТВА КИТАЯ В МИРЕ

Л. Е. Гринин

*В статье анализируются достоинства и недостатки китайской модели экономического роста, причины неизбежного замедления темпов роста. Делается вывод, что хотя технологический и инновационный уровень китайской экономики растет, в целом она остается экстенсивной, основанной на вовлечении в нее чрезмерного количества ресурсов и капиталов.*

*Показывается, что даже при условии, что Китай обойдет США по объему ВВП, он не сможет стать полноценным мировым лидером, так как многие лидерские функции США (идеологическая, военная, технологическая, инновационная, валютная и др.) Китай выполнять не сможет. Кроме того, стать полноценным лидером Мир-Системы Китаю помешают его уязвимость в области демократических прав, лидерство в области загрязнения окружающей среды, то, что все больше его граждан считают западные ценности приоритетными, и ряд других обстоятельств.*

### Китайские сценарии

С каждым годом число упоминаний о Китае в средствах массовой коммуникации и в Интернете увеличивается, что косвенно свидетельствует о растущей роли этой страны в мире. Затянувшийся экономический кризис, несомненно, повысил эту роль, в то же время обнажив слабости США и европейских стран. Достижения Китая одних восхищают, других – страшат, китайский феномен используется для подкрепления самых разнообразных идей и концепций. Писать о Китае бесстрастно стало довольно трудно. Неудивительно, что многие сценарии будущего развития Китая разнообразны и взаимоисключающи.

Позитивный для Китая прогноз исходит из того, что высокие темпы роста его экономики будут держаться долго, в результате чего в недалеком будущем он обгонит США, разрешит свои главные проблемы и станет лидером современного мира. В рамках данного прогноза можно выделить апологетический вариант безусловного восхищения, предсказывающий в ближайшее время наступление века Китая, и алармистский, который боится мощи этой страны и того, что она подомнет под себя Запад.

Взаимоисключаемость прогнозов связана не только с особенностями восприятия китайской действительности разными авторами и недостаточной информацией о внутренних процессах в Китае, но также с весьма противоречивыми тенденциями его развития. Определить, какие из этих тенденций победят и как трансформируются, очень сложно. Вариаций может быть много. Вот почему, образно говоря, китайская карта в мировой колоде остается джокером и при разном раскладе способна превратиться в любую карту. В настоящей статье предпринята попытка показать, почему Китай, даже при всех возможных будущих успехах, не сможет занять в мире место США. Обоснование этой идеи потребовало пока-

*Куда движется век глобализации? 378–394*

зять наиболее важные особенности китайской модели развития, а также сделать некоторые прогнозы ближайшего развития Китая. Будет показано, в чем сила, а в чем – ущербность современной китайской модели экономического развития и можно ли ее перестроить; почему темпы роста ВВП будут продолжать снижаться; по каким причинам для Китая было бы гораздо предпочтительнее стабилизировать темпы роста на более низком уровне, чем пытаться во что бы то ни стало поддержать прежний безудержный и дорогостоящий рост. Настоящая статья развивает некоторые из идей, бегло затронутых в моей статье 2009 г. [Гринин 2009]. Жизнь показала, что многие из этих выводов и оценок подтвердились.

### **Реконфигурация Мир-Системы и Китай**

**Грядущая потеря лидерства США и ее последствия.** Еще лет пять тому назад все мы всерьез обсуждали возможность построения Pax Americana. Нынешний кризис развеял эти прожекты, показал ограниченность американского могущества и неуклонность его снижения. Сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление в целом экономической роли развитых государств. Перспективы выхода США из системного, включая долговой, кризиса весьма туманны. Шансов на то, что они вновь обретут прежний динамизм, не так много. Отсюда нет сомнения, что раньше или позже значение США как лидера Мир-Системы снизится. И этим очень обеспокоены многие в самих США [см.: Мир... 2009].

Таким образом, роль США в обозримом будущем должна снижаться. Однако что это означает для мира и отдельных стран? Надо сказать, что такая коллизия – как бы к ней ни относиться – приведет к исключительно большим изменениям, многие из которых, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США займет кто-то другой, особенно часто на него прочат Китай (анализ таких взглядов см., например: Wang 2010). Мы не ставим под сомнение, что в ближайшей (скорее всего, и в среднесрочной) перспективе позиции Китая в разных сферах усилятся. Наша задача – показать, что, несмотря на обозначенные тенденции к снижению роли Америки и повышению значимости Китая, неправомерно вести речь о простой смене лидера. Мир сильно изменился и изменится еще больше, поэтому мы убеждены, что в обозримой перспективе появление нового мирового лидера в лице одного государства маловероятно по двум причинам. Первая: с закатом роли США и развитием глобализации конфигурация Мир-Системы пойдет уже по новым траекториям и линиям интеграции, так что роль отдельных государств будет меньше, а роль их коалиций и союзов – больше (при этом одни и те же страны будут одновременно участвовать во многих объединениях). Эту тему мы развивали в других статьях [см.: Гринин 2009; 2011] и здесь затрагивать ее не будем. Вторая причина заключается в том, что в обозримом будущем не может появиться государство, которое бы заменило США в совокупности их лидерских функций – от военных до идеологических, поскольку позиции Америки в этом плане являются уникальными. Поэтому (а также и по многим другим причинам) *утрата США главенствующей роли будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы*, даже ближайшие последствия которой во многом не ясны.

**Почему Китай не Америка?** Рассмотрим теперь, что вытекает из сказанного для анализа будущего места Китая в Мир-Системе и почему, в частности, Китай

не может быть реальным претендентом на место, занимаемое США. Основания, по которым предполагается, что Китай будет таким лидером, в сущности, заключаются в том, что его нынешний быстрый рост в ближайшие десятилетия позволит ему сначала обогнать по ВВП США, а затем и подтянуться к развитым странам по объему производства на душу населения. А это значит, что при полутора-миллиардном населении мощь Китая станет неимоверной.

Такой подход, по сути, основан на двух не всегда ясно высказываемых посылах: 1) высокие темпы роста могут продолжаться очень долго; 2) объем производства равнозначен месту государства в мировой системе. На самом деле обе посылки ошибочны. Возможности быстрого роста в Китае весьма ограничены (об этом будет сказано далее), а быть даже первой по валовому продукту державой мира абсолютно не значит быть центром Мир-Системы по многим причинам.

Одна из главных причин заключается в том, что в США сегодня сосредоточивается *политическое, военное, финансовое, валютное, экономическое, технологическое, инновационное и идеологическое лидерство*. Уже одно это перечисление показывает: место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, так как никто больше не сможет соединить одновременно столько ведущих функций [см. также: Zakaria 2009]. Ясно также, что почти все перечисленные аспекты лидерства будут недоступны для Китая [см. о некоторых аспектах: Фишер 2011]. В частности, у него есть огромные золотовалютные резервы, с помощью которых, например, можно оказывать давление в некоторых вопросах на США. Но неконвертируемость юаня, жесткое регулирование многих аспектов финансовой деятельности не даст Китаю возможности превратиться в ведущий финансовый и тем более валютный центр мира. Да, Китай активно продвигает юань, договаривается о валютных свопах с торговыми партнерами, провозглашает, что в будущем юань будет свободно конвертируемым. Однако реально ли последнее? Пока это представляется маловероятным. Ведь сделать юань конвертируемым в современной ситуации – значит фактически ревальвировать его, что резко ухудшит возможности экспорта, то есть подорвет важнейший источник роста, а также откроет дорогу импорту.

Китай активно модернизирует армию и флот и быстро увеличивает объем своих военных расходов, усиливает работу в области разработки собственных видов оружия. Реально его вооруженные силы могут превратиться в довольно крупную силу. Но хотя Пентагон в целях проталкивания собственного военного бюджета запугивает общественное мнение китайской военной угрозой, мало шансов, что Китай окажется способным создать равноценные американским (и даже российским) военные технологии [см.: Zakaria 2009]. Кроме того, в истории не было примеров возникновения ведущей военной державы без соответствующих милитаристских традиций (определенной военной истории, включающей опыт крупномасштабных и победоносных войн; военного духа в обществе; школы военного искусства и т. п.). Франция, Великобритания, Германия, Россия и СССР, Япония, США имели или имеют подобные традиции. В Китае их нет. Великобритания в XIX в., СССР в XX в. имели, а США и по сию пору имеют идеологии, которые могли быть предметом восхищения и подражания со стороны других стран. Я считаю, что призывы к демократии и свободам при попытках навязать их странам, к ним не готовым, необходимо критиковать и даже развенчи-

вать. Но это не умаляет факта, что данные идеи привлекают сотни миллионов людей в десятках развивающихся стран. События «арабской весны» в очередной раз это подтвердили. А что Китай может предложить миру в смысле идеологии? Ничего, ибо социализму и в самом Китае верит все меньше людей, а другой идеологии нет [см., например: Wang 2010]. Зато в Китае все больше тех, кто восхищается западными ценностями. Не может быть мировым лидером тот, кто не способен предложить миру привлекательную идеологию, тем более лидер, опасющийся революции в собственной стране. Наконец, может ли мировой лидер быть главным загрязнителем природы на планете? Ведь успехи китайской экономики основаны на почти бесплатной экологии. На долю Китая приходится примерно треть всего выброса CO<sub>2</sub> [Мельянцев 2007: 22]. Сегодня он уже обогнал США по вредным выбросам, не догнав их по ВВП. А что будет дальше? Ниже (в последнем разделе) будет показана неспособность Китая стать лидером в целом ряде других аспектов: инновационности, производительности труда, уровне жизни и т. д.

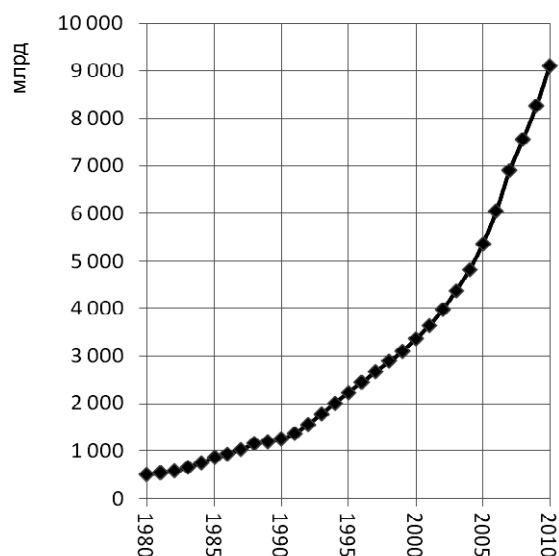
### **Китайская модель**

Тем не менее, хотя стать полноценным (то есть равным по влиянию США пяти- или десятилетней давности) лидером Мир-Системы Китай и не сможет, стремительные темпы его развития сами по себе представляют фактор, способный серьезно повлиять на будущее. От того, как долго они продержатся и какой будет модель роста Китая, зависит многое в экономике и экологии мира в целом. Поэтому крайне важно рассмотреть основные характеристики и особенности китайского развития, учитывая и то, что Китай быстро меняется, и то, что в главном модель развития остается прежней, а основные проблемы, поднимаясь вместе со страной на иной уровень, продолжают сопровождать это развитие.

Для того чтобы понять китайскую модель, стоит рассмотреть несколько аспектов: какие факторы в целом способствовали столь быстрому и длительному росту, а также подъему технологического уровня китайской экономики; какие резервы лежали в основании роста и какова ситуация с этими резервами сейчас. Мы дадим характеристики китайской модели в ее основных чертах развития, а затем посмотрим, что будет тормозить рост этой экономики в ближайшей и долгосрочной перспективе.

### **Китайская модель: родовые черты**

О китайской модели развития ведется довольно много споров, при этом некоторые исследователи вообще отрицают ее существование, а иные полагают, что она чуть ли не универсальна, то есть пригодна для многих развивающихся стран. Наиболее релевантным представляется мнение тех довольно многочисленных аналитиков, которые считают, что она является вариантом восточноазиатской модели экономического развития. Эта модель первоначально сложилась в послевоенной Японии, затем реализовалась в так называемых «азиатских тиграх» – Южной Корее, Тайване, Сингапуре и Гонконге. Позднее ее взяли на вооружение Китай и в той или иной мере страны АСЕАН (Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины и еще позже – Вьетнам, Кампучия, Лаос и некоторые другие), то есть она стала распространяться и в Юго-Восточной Азии, и в АТР (недаром Андерсон [2008] называет ее просто азиатской).



**Рис. 1.** ВВП по паритету покупательной способности в млрд долларов, 2005 г.  
[World Bank 2012]

Разумеется, в каждой стране эта модель имеет весьма существенные особенности. Но ее характерные черты следующие:

- а) ориентация экономики, особенно промышленности, на экспорт;
- б) использование дешевой рабочей силы;
- в) привлечение иностранных инвестиций и создание для этого условий, а также активный импорт технологий;
- г) высокая доля инвестиций в ВВП (доля накопления очень высокая, от 30 до 40 % и даже более);
- д) активное, но в разной степени, участие государства в развитии экономики;
- е) в Китае и некоторых других странах создание особых экономических зон;
- ж) авторитарность разной степени и/или однопартийная модель (тогда как в Японии или на Тайване у руля власти оставалась очень долго одна и та же партия). Последнее создает стабильность в стране, что важно для привлечения капитала.

Эта модель – лучше или хуже в разных странах – обеспечивает высокие темпы экономического роста на длительный срок, за счет привлечения капитала и технологий дает возможность повышать технологический уровень и производительность труда. В итоге происходят модернизация страны, быстрый рост урбанизации и постепенный рост уровня жизни населения. Однако по мере роста ВВП на душу населения и внутреннего потребления темпы роста у стран восточноазиатской модели замедляются. И то, что они замедляются, служит для ряда аналитиков весомым основанием предполагать, что по достижении Китаем определенного уровня ВВП на душу населения (не более 10 тыс. долларов) темпы его развития начнут замедляться [см.: Eichengreen 2011; Андерсон 2008].

### Китайская модель: специфические черты

Все указанные черты присутствуют в китайской модели. Но у нее есть и очень важные особенности. Первая, и уникальная, – гигантское население. Именно это (плюс большая территория) делает Китай супердержавой. Вторая – наибольшая из всех стран роль государства при господстве компартии. Эта роль ключевая в китайской модели, именно она и определила возможность проведения реформ. Третья – особое положение крестьянства, которое лишено прав собственности на землю и многих гражданских прав, что позволяло и все еще позволяет использовать ресурсы деревни для экономического роста и целей государства. Четвертая – большая роль этнического китайского иностранного капитала<sup>1</sup> и наличия целых государств с китайским населением (Гонконг, Макао, Тайвань и в значительной мере Сингапур). Без всякого сомнения, приток иностранного капитала в Китай был бы намного меньше, поскольку огромная, а периодами и большая часть иностранных инвестиций по-прежнему идет через этот канал [см., например: Ван Пэй 2010: 17]. Отметим также, что импульс присоединения Гонконга и Макао все еще чувствуется в китайском росте.

Эти базовые особенности китайской модели (прежде всего повышенная роль государства при послушном и бесправном населении) в совокупности с особенностями китайских реформ породили и ряд других очень важных ее характеристик, которые являются как составляющими китайского успеха, так и его потенциальными слабостями, а именно:

- дешевая экология (отсутствие должной заботы об охране окружающей среды);
- дешевая социальная политика, которая мало обременяет государство (возможность до сих пор отказываться от обязанностей государства в отношении пенсий и пособий для огромной части населения; плата за обучение и медицинское обслуживание; низкий уровень безопасности на производстве и т. п.);
- политика ограничения рождаемости, которая снижает затраты на подрастающее поколение;
- низкий курс юаня, способствующий экспорту. Низкий курс также уберег Китай в 1997 г. от кризиса, в то время как целый ряд других стран ЮВА сильно пострадал от завышенного курса своих валют;
- сверхвысокая доля ВВП, идущая на накопление, что позволяет делать громадные инвестиции и поддерживать высокие темпы роста, но возможная лишь при столь сильном присутствии государства в экономике, как в Китае;
- целенаправленная политика государства в области низких тарифов на энергию и сырье, создания инфраструктуры, повышения производительности труда, инновационности, степени открытости страны и т. д.

В отношении последнего важно отметить линию постепенного расширения открытости для иностранных инвестиций, в которой Китай сделал наибольшие успехи (они гораздо больше по сравнению, скажем, с политикой поощрения отечественного бизнеса или развития внутреннего потребления). Все это и способствовало тому, что китайский экспорт рос опережающими темпами по сравнению с ростом экономики в целом, а объем ПИИ в Китае вырос в десятки раз<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Так называемые *хуацяо*, то есть этнические китайцы, проживающие в других государствах, среди которых много бизнесменов.

<sup>2</sup> Недавним важным шагом стало движение в отношении создания зон свободной торговли с АСЕАН, Тайванем, Японией и Кореей.

**Факторы, ресурсы и движущие силы китайского развития.** Говоря о факторах феноменального экономического роста, прежде всего, конечно, надо отметить квалификацию китайского руководства и концентрацию госаппарата и общества в целом на успехе и росте. В Китае произошла буквально фетишизация роста. В качестве отдельного фактора роста достойно выделения упомянутое выше постоянное расширение возможностей для развития иностранного и (в меньшей степени) отечественного предпринимательства.

Другими постоянными факторами экономического роста служат уже указанные выше: а) чрезвычайно высокий уровень инвестиций (в отдельные годы до 50 % от ВВП); б) большой приток иностранного капитала; в) рост производительности труда, хотя тут далеко не все однозначно. Тем не менее в целом благодаря постоянной технической модернизации этот рост весьма впечатляющий, хотя в сравнении с развитыми странами производительность труда в Китае еще очень низка, а в сельском хозяйстве она отстает в десятки раз.

Важнейшими ресурсами китайского роста являлись: а) огромный и длительное время неисчерпаемый рынок дешевой рабочей силы и так называемый демографический дивиденд (в связи с уменьшением рождаемости и молодой структурой населения); б) довольно богатые запасы отдельных видов природных ископаемых (угля, железной руды, нефти, редких металлов и др.); наконец, уже упоминавшиеся в) дешевая экология; и г) дешевая социальная политика (как в связи с относительно молодой демографической структурой населения, так и с возможностью игнорировать нужды населения).

Принципиально важным для понимания причин быстрого роста и перспектив дальнейшего развития Китая является вопрос о движущих силах развития. Досадно, что исследования в таком ключе довольно редки [в качестве положительного примера см.: Бергер 2009: гл. 4]. Между тем анализ показывает, что в Китае желающих инвестировать и расширять производство больше, чем в западных экономиках (не говоря уже о ситуации, которая была в СССР), отсюда и мощный импульс для роста.

Очень заметную роль в инвестировании и расширении производства играют, конечно, иностранные корпорации. Что касается частных местных предпринимателей, то по сравнению с развитыми странами их значимость в Китае ниже, так как они лишены доступа к кредитам и ограничены многими запретами. Но едва ли не наибольшее значение (как в прямых инвестициях, так и особенно в деле их привлечения) имеет деятельность властей всех уровней: от центрального правительства, определяющего основные приоритеты, пропорции и наиболее дорогостоящие проекты, через уровень провинций (которые, однако, по населению превосходят крупные европейские страны), затем на уровне округов, уездов и до волостей. Таким образом, имеется многоуровневое участие государства (и партии) в развитии производства, в сфере инвестиций. При этом существует конкуренция на всех провинциальных и местных уровнях за инвестиции и высокие показатели роста [см., например: Бергер 2009]. По подсчетам экономиста Джона Ли из Сиднея, эти внутренние инвестиции дают 40 % роста, в то время как вклад экспортного сектора и ПИИ составляет примерно 30 % [см.: Berthelsen 2011].

Для понимания механизма развития исключительно важно осознать, что китайскому руководству удалось разбудить внутри аппарата управления силы, которые крайне заинтересованы в экономическом росте. В результате влияние ме-

стных властей на экономический рост гораздо больше того, что было в СССР, и, по моему мнению, существенно выше, чем в Японии, Южной Корее, на Тайване предыдущих десятилетий, это обеспечивает Китаю дополнительные проценты роста. Хотя если оценивать роль только центральных правительств, то в Китае, с одной стороны, и упомянутых странах – с другой, она вполне сравнима.

Наконец, мощным двигателем роста выступают крупные (в том числе занимающие монопольное положение) государственные корпорации, стремящиеся инвестировать свою прибыль в новые проекты, которые потом утверждаются и контролируются государством с помощью кредитов и прочих экономических и административных рычагов. Дж. Андерсон [2008] считает, что причина этого активного инвестирования в том, что государственным предприятиям некуда девать прибыль, так как она не распределяется. В этом есть доля истины, хотя объяснение выглядит все-таки примитивно. Думается, что в данном случае можно говорить об общем законе поведения успешных корпораций – стремлении к расширению. В условиях Китая расширение – это новые места для управленцев и своих людей, новые ресурсы, контроль над которыми увеличивает власть. С другой стороны, между корпорациями всегда есть конкуренция за доступ к ресурсам, который зависит от инвестиционной активности. При такой ситуации очень полезные проекты причудливо сочетаются с совершенно бесполезными или недостаточно нужными.

*Таким образом, в Китае имеется многоуровневая система движущих сил роста, в известной мере уникальная, в которой в отличие от развитых стран главными являются не отечественный частный капитал, а государственные корпорации, местные власти и иностранный бизнес. Это объясняет особенности китайских инвестиций.*

**Ограниченность и пороки китайской модели.** *Китайская экономика, несмотря на то, что ее технологический и инновационный уровень повышается, в целом остается экстенсивной, слишком ориентированной на экспорт, основанной на очень высокой доле инвестиций. При этом она продолжает быть чрезмерно ресурсо- и энергозатратной; экологически очень грязной.*

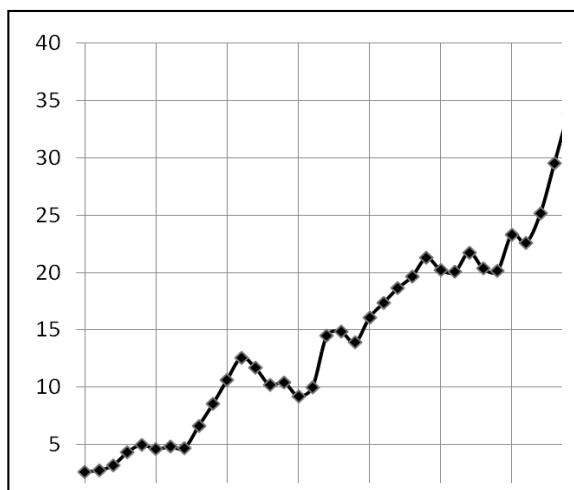


Рис. 2. Китайский экспорт в % от ВВП Китая (World Bank 2012)



Хуже всего, что если в первые десятилетия реформ инвестиции приносили высокую отдачу, то уже с начала 2000-х гг. отдача от них упала до низких и даже в некоторых случаях и отраслях отрицательных значений [см., например: Ху Аньган 2005: 38–39]. Таким образом, в важнейшем отношении *китайская модель становится неэффективной*, что грозит кризисом и замедлением развития. Естественно, что отдача от инвестиций колеблется от года к году весьма значительно, однако она выше у иностранных инвесторов и ниже – у государственных. В 2009 г., например, когда государство вливало в экономику огромные деньги, на один юань инвестиций пришлось только 0,17 юаня прироста ВВП (в 1994 г. соответственно на 0,74 юаня). Иными словами, чтобы добиться прироста в 1 юань, надо вложить 6 юаней.

Китайское руководство хорошо знает недостатки сложившейся модели развития, постоянно ставит задачи ее трансформации и прилагает для этого усилия. Однако при определенных продвижениях результаты не оправдывают ожиданий. Дело в том, что если приглядеться к успехам Китая, станет ясно: главные из них проходят там, где даются легче, то есть в развитии как раз тех направлений, которые надо перестраивать (рост внешней торговли, безудержное наращивание производства, чрезмерные инвестиции и пр.). Иными словами, модель принципиально не меняется, напротив, происходит ее гиперразвитие и усиливаются ее ограничения.

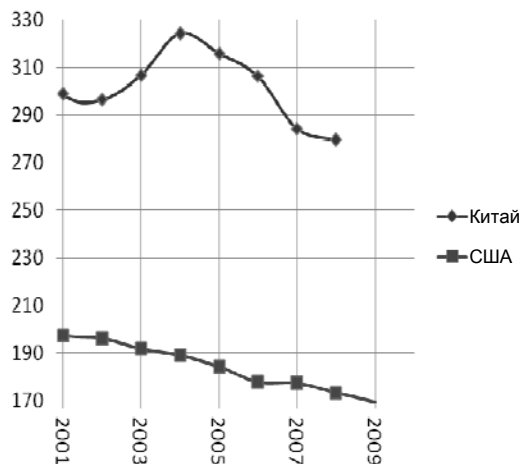


Рис. 3. Потребление энергии (в кг нефтяного эквивалента) на 1000 долларов ВВП с учетом ППС (постоянные цены 2005 г.) [World Bank 2012]

Так, несмотря на попытки в течение пятнадцати-двадцати лет достичь экономичности в потреблении энергии (в частности, путем директивных предписаний в годовые и пятилетние планы), объем потребляемой электроэнергии растет примерно в соответствии с ростом ВВП, а иногда и быстрее. Объем добычи и потребление природных ресурсов также растут с невероятной скоростью. Когда смотришь на цифры китайской статистики, с трудом осознаешь значение некоторых из них. Вдумайтесь: более 3 млрд т угля, почти половина его мирового производства, добывается и сжигается в КНР. Добывается более 1 млрд т железной руды, свыше 40 % мировой добычи. Выплавляется более 600 млн т стали, что превышает 45 % мировой выплавки, при этом на экспорт идет едва ли десятая ее

часть. Производится 1,9 млрд т цемента (более 55 % мирового производства), который практически весь потребляется в КНР. О каком энергосбережении, о какой экологии может идти речь?! Но при том что объем добычи полезных ископаемых растет стремительными темпами, увеличивается и число видов природных ресурсов, которые раньше Китай экспортировал, а сегодня во все возрастающем количестве импортирует. Не так давно Китай экспортировал нефть, сегодня он второй в мире ее импортер; еще три-четыре года назад уголь шел на экспорт, а сегодня импорт угля растет, как на дрожжах; ввозится 500 млн т железной руды, а также много другого сырья и первичных материалов. Китайские власти и бизнесмены по всему миру лихорадочно ищут новые источники поставок сырья и топлива, чтобы обеспечить экономику и диверсифицировать поставки. Это объясняет особую активность КНР в Африке и Латинской Америке.

Прежде чем перейти к следующему разделу, вынужден сделать одно важное пояснение относительно избитой темы недостоверности китайской статистики [см., например: Гельбрас 2003]. Поскольку доверять ей крайне сложно, то и в вышеприведенные (как и многие другие) цифры китайского производства верится с трудом. Мало того, трудно даже придумать, куда все-таки можно истратить такое количество продукции. Чтобы не быть голословным, предоставлю фантазии читателя следующую загадку (ответа на которую не знаю). Если объемы строительства в США и Китае примерно равны, но Китай производит 1,9 млрд т цемента, а в США до кризиса производили где-то 100 млн т цемента и еще импортировали 30 млн т (сейчас намного меньше), то куда китайцы девают более 1,5 млрд т цемента? Даже если учесть разницу в заработной плате, высокие потери цемента в китайском строительстве и разницу в структуре строительства (в Китае бетона используется больше, чем в США), концы с концами все равно не сходятся.

### Пределы роста

В настоящий момент в рамках сложившейся модели ясно обозначились ограничения на пути сверхвысокого экономического роста Китая. При этом важно учитывать, что эту модель крайне сложно изменить, но если это и удастся, изменение неизбежно будет означать замедление темпов роста. Правда, объективно такое замедление можно рассматривать как положительное для Китая, хотя большая часть китайского руководства, несмотря на риторику, смотрит на вещи иначе.

**1. Нехватка энерго- и сырьевых ресурсов** остро дает о себе знать, поскольку Китай перестал обеспечивать себя энергией и сырьем и в значительной степени зависит от их импорта. При этом возрастающий импорт топлива, минеральных и иных ресурсов в Китай разгоняет мировые цены, что увеличивает стоимость экспортной продукции КНР. Так, в 2011 г. возросшая цена на топливо привела к тому, что при существующих тарифах на электроэнергию поставляющие ее производители электричества понесли убытки. А повышать тарифы государство не хочет, поскольку это по цепочке разгонит инфляцию. Дело доходит до того, что в попытках достичь сокращения затрат электричества власти производят верные отключения электроэнергии. Но предприятия в ответ на это пытаются на собственных генераторах производить необходимые им киловатты. В рамках сегодняшней затратно-экспортной модели зависимость от потребления энергии и ресурсов будет только возрастать. *Таким образом, в ближайшем будущем наиболее жесткой преградой китайскому росту может стать ограниченность не только китайских, но и мировых ресурсов, либо цена последних окажется не-*

подъемной для Китая<sup>3</sup>. В итоге импорт начнет стабильно превышать экспорт. Рост потребления ресурсов может существенно снизиться только при вынужденном замедлении темпов роста (статистика результатов 2012 г. свидетельствует именно об этом: замедление темпов роста повлекло большое, иногда до нулевых значений, снижение роста потребления ресурсов).

**2. Грядущая нехватка рабочей силы и рост ее стоимости.** Несмотря на большую безработицу, в ряде мест уже ощущается нехватка рабочих, особенно квалифицированных. Об этом достаточно много пишут в научной литературе и в Интернете [см., например: Бергер 2009]. Предполагается, что после 2013 г. приток трудоспособного населения станет меньше его естественного выбывания. Какое-то время это может способствовать уменьшению в ряде мест безработицы. Достаточно острый дефицит рабочей силы почувствуется только в среднесрочной перспективе, однако надо ясно понимать, что китайское экономическое чудо обеспечивалось огромным избытком рабочей силы (и соответственно ее дешевизной). Поэтому любое уменьшение избытка будет влиять на рост заработной платы и повышение требований рабочих (в частности, все менее склонных к изнуряющему однообразию труда на многих предприятиях). Уже сейчас нехватка рабочей силы в приморских провинциях приводит к росту заработной платы, которая будет увеличиваться и далее. Обеспечить быстрый рост при ограничениях рабочей силы и растущей зарплате окажется исключительно сложно, а скорее всего, невозможно.

**3. Неизбежное удорожание экспортной продукции и опасность уменьшения притока капитала.** На пути роста экспорта – при том, что экспортно ориентированную модель изменить сложно – встанут сильные ограничения в виде стоимости энергии и сырья, рабочей силы и других затрат, вероятной ревальвации юаня и конкуренции стран с более дешевой рабочей силой. А стоит экспорту замедлиться, может сократиться и приток инвестиций, так как экспортом главным образом занимаются фирмы с иностранным участием. Одновременно может значительно вырасти вывоз капитала из Китая, что также замедлит рост экономики.

**4. Падение отдачи от инвестиций.** Как уже сказано выше, высокая норма инвестиций, которая сейчас обеспечивает 40 % роста, натолкнулась на проблему падения отдачи от них до низких, а в иные годы и очень низких значений. При этом возрастает бремя содержания неприбыльных объектов. В Китае огромное количество излишних мощностей едва ли не во всех сферах. Нередки случаи, когда правительство принимает решения о принудительном закрытии избыточных мощностей. Но объем таких нерентабельных объектов продолжает расти. Это вызывает как ненужные затраты, так и излишнюю конкуренцию, что понижает прибыль. Естественно, бесконечно это продолжаться не может, инвестиции раньше или позже сократятся, а с ними замедлится и рост.

**5. Экология.** Ситуация с экологией, по общему мнению, критическая. По уровню загрязненности вод, воздуха, почвы, кислотным дождям, числу заболевших от последствий загрязнения и т. п. Китай впереди всей планеты. Нельзя сказать, что правительство не озабочено этой проблемой, но пока для ее решения делается явно недостаточно. Чтобы решить эту проблему, нужны очень большие затраты, что сильно удорожит стоимость продукции и экспорта и скажется на темпах роста. Тем не менее решать ее, по крайней мере в среднесрочной перспективе, придется, иначе конечная цена такой негативной политики окажется чрезмерной, да и вряд ли мир будет слишком долго терпеть такую ситуацию.

<sup>3</sup> По этому поводу существует немало литературы [см., например: Кульпин-Губайдуллин 2010].

**6. Рост затрат на социальные нужды.** Старение населения, рост жизненных стандартов, необходимость обеспечивать социальный мир и не допускать слишком большого разрыва в уровне жизни, а также забота об увеличении внутреннего потребления ведут к росту обязательств государства. С каждым годом Китай будет вынужден тратить все больше денег на социальные нужды, что сказывается уже сейчас, а в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе станет тяжелым бременем. Правительство пытается переложить затраты на работодателей, но – при том, что до некоторой степени это справедливо – это естественно вызовет и рост себестоимости продукции, и меньшую готовность создавать новые рабочие места.

**7. Опасность инфляции, роста диспропорций и необходимость ограничения роста неравенства** стали жестко влиять на экономическую политику и темпы роста. Ограничение роста связано с необходимостью балансировать между наращиванием внутреннего потребления (которое проводилось в 2009–2010 гг. за счет смягчения денежной политики и увеличения объема кредитов) и инфляцией. Инфляция, особенно быстрый рост цен на продукты питания, угрожает стабильности в бедной стране, где существует слишком большой разрыв в уровне доходов, и полностью противоречит идее «создать гармоничное общество». Поэтому неудивительно, что нынешнее руководство в 2011 г. выбрало курс на снижение инфляции и систематическое ужесточение кредитно-денежной политики. Но это ведет к снижению деловой активности.

В марте 2011 г. глава Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что сочетание инфляции, коррупции и различия в доходах между богатыми и бедными может сказаться на социальной стабильности и даже на прочности политической власти. Таким образом, *под угрозой оказался важнейший ресурс китайской модели – лояльность населения*. Именно это и объясняет готовность руководства Китая пожертвовать темпами роста ради стабильности. Вопрос о том, насколько оно способно контролировать экономическое развитие, мы рассмотрим ниже. Тем не менее планомерно или нет, но темпы роста достаточно скоро неизбежно и существенно снизятся. В 2012 г. темпы роста инфляции существенно снизились, но с ними замедлились и темпы роста промышленности и ВВП.

### Неизбежность замедления роста

**Почему сложно изменить модель роста?** Современная затратная модель роста усиливает сложившиеся и официально признанные диспропорции: в уровне развития и жизни между восточными и западными провинциями, между городскими и сельскими жителями, между богатыми и бедными китайцами<sup>4</sup>. Неудивительно, что китайское руководство ставит задачи: перевести экономику на инновационный рост и повысить долю знаний в приросте ВВП; развить китайские ноу-хау; сделать экспорт высокотехнологичным; повысить внутреннее потребление, чтобы оно, а не внешняя торговля, давало основу роста; понизить коэффициенты потребления энергии и сырья; улучшить экологию; сделать экономику сбалансированной и т. п. Однако этот новый курс, намеченный в конце 1990-х гг., на практике оказался нереализуемым, а указанные задачи из пятилетки в пятилетку стабильно не выполняются.

<sup>4</sup> Коэффициент Джини, показывающий степень неравномерности в распределении доходов, в Китае очень высок, выше, чем в России, Индии и США, уступая лишь южноамериканским странам, а по мнению некоторых аналитиков, догнал уже и их.

Легко сказать – перейти на инновационный рост, а кто сможет это сделать? Государственные корпорации по своей природе мало к этому способны, местным бизнесменам не дают простора [см., например: Хуан 2010], а иностранные инвесторы не заинтересованы ввозить в Китай новейшие технологии.

Или взять задачу экономии электроэнергии. Почему ее не хватает, несмотря на рост производства и определенные успехи в развитии «зеленой», гидро- и атомной энергетики? Потому что расточительство заложено в китайской экономической модели, в которой главное – не прибыль, а именно фетишизация роста, достижение его любой ценой. Экономия неинтересна государственным или полугосударственным предприятиям, она производится ими «из-под палки». Поэтому усилия добиться экономии обречены на неудачу, в лучшем случае – на ограниченный, а часто и недолговечный успех. Настоящий переход на энергосбережение может быть только там, где на первом месте стоит прибыль, а не рост, и там, где стоимость энергоресурсов не занижается искусственно. Но отказ от контроля над энерготарифами и реальный переход на показатели прибыльности крайне опасен, он означал бы катастрофу китайской экономики, так как немедленно стало бы очевидным, что половина выпущенной продукции излишняя со всеми вытекающими отсюда последствиями: банкротства, рост безработицы и пр., что взорвало бы социальный мир.

Словом, изменить нынешнюю модель роста очень сложно как потому, что существует огромная инерция, так и по причине наличия влиятельных сил, заинтересованных в ее сохранении и поддержании высоких темпов роста. Как мы видели выше, это местные власти разных уровней, особенно богатых провинций, и крупные государственные или полугосударственные корпорации. За десятилетия они достигли большого успеха как в расширении производства, так и в манипулировании цифрами статистики. Сегодня за темпы роста любой ценой борются отстающие провинции, в чем им активно помогает центральное правительство. Но не менее важно, что к переходу на новую систему китайская бюрократическая и социальная системы фактически не готовы. Как, например, избежать чрезмерных инвестиций, создающих ежегодно все новые излишние мощности в китайской экономике, если это вызвано напряженным соперничеством между различными провинциями за привлечение капиталов и высокие темпы развития своих регионов? Только директивно их запрещать. Но это значит связать руки провинциям и, по сути, отключить ведущий двигатель роста (пусть и не всегда рационального). А кроме того, если уменьшить инвестиции и долю накопления в ВВП, то куда девать эти средства? Увеличить пособия, зарплаты и пенсии? Но это вызовет всплеск инфляции и рост импорта, что только ухудшит ситуацию в стране. И сегодня Китай уже не знает, что делать с накоплениями, все более и более наращивая валютные запасы. Раздать еще больше кредитов, как это сделали в 2009 г.? Но в итоге правительство усилит инфляцию, как произошло в 2011 г. Словом, переход к новой модели крайне затруднен и несет в себе не меньше опасностей, чем сохранение старой.

#### **Курс на замедление: реальные намерения или риторика?**

28 февраля 2011 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что страна планирует в течение ближайших пяти лет снизить темпы роста своей экономики. Теперь Китай будет ориентироваться на 8 %-ный рост в 2011 г. и на 7 %-ный – в 2012–2015 гг. Для сравнения в 11-й пятилетке (2006–2010 гг.) ВВП в среднем

рос на 11,1 % ежегодно. Такое решение, как мы видели выше, было ускорено ростом инфляции и опасностью нестабильности в обществе. Несомненно, лидеры КНР чувствуют также сложность поддержания прежних деформирующих общество темпов роста в условиях мировой рецессии. Будь сейчас экономический подъем в мире, планы были бы иными. Не следует упускать из внимания и смену руководства в Китае в 2012 г.

Решение о снижении темпов роста на 12-ю пятилетку до 7 % можно только приветствовать. И если правительство сумеет сдержать рост, будет намного легче перестраивать модель развития, устраняя в ней наиболее сильные диспропорции. Однако если разговор о замедлении – только риторика и развитие вновь пойдет по проторенному пути искусственного поддержания темпов развития, это грозит в будущем крупными проблемами и самому Китаю, и всей мировой экономике.

Очень вероятно, что на деле китайское руководство не отказалось от идеи сверхвысоких темпов развития, которая в течение более трех десятилетий была фетишем для трех поколений китайских руководителей. Поэтому, возможно, в глубине души оно надеется, что повторится та же ситуация, что и в прошлые пятилетки, когда планируемые цифры стабильно оказывались ниже реальных. Так, в 10-й пятилетке в 2001–2005 гг. среднегодовые темпы роста ВВП Китая составляли более 9 % при плане в 7 %. А в 11-й пятилетке они составили и вовсе более 11 % при плане в 7,5 %. По-видимому, логика планирующих такова. Лучше занижить цифры. Если ситуация будет хуже, мы их все равно выполним. А если лучше, то перевыполнение станет только плюсом.

С одной стороны, в 2011 и 2012 гг. темпы роста выше объявленных в феврале 2011 г. и даже несколько выше 7,5 %, объявленных в марте 2012 г. Но с другой – эти темпы стабильно замедляются, при этом довольно значительно для Китая. Поэтому, учитывая описанные выше ограничения, мне представляется, что – в отличие от прошлого – перевыполнения планов, даже несмотря на все возможные усилия китайских властей, не произойдет и среднегодовых двузначных темпов роста в Китае больше не будет. Иными словами, даже при благоприятных обстоятельствах *наиболее вероятным видится сценарий, по которому так или иначе (добровольно или волей обстоятельств) в течение ближайших четырех лет произойдет заметное замедление темпов роста до 6–7 %*. И далее, то есть после 2016 г., темпы роста еще несколько снизятся – примерно до 4–6 %, но такие темпы реальны лишь при благоприятном развитии. Вовсе не исключено, что Китай столкнется и с более серьезными трудностями, особенно если экономическая ситуация в развитых странах будет плохой и упадет спрос на китайские товары в мире (Европа и Америка – главные их потребители). Естественно, снижение темпов роста приведет к очень существенным изменениям – от сокращения инвестиций до закрытия излишних мощностей. Тем не менее это пройдет менее болезненно и более мягко при плавном сокращении темпов роста, чем при их резком обвале. Резкое торможение столь громадной и разогнавшейся экономической машины, как экономика Китая, может оказаться очень тяжелым. А если до последнего всеми силами стремиться удержать чрезмерные темпы роста, именно так и произойдет.

#### **Вместо заключения. Может ли развивающаяся страна быть лидером мир-системы?**

Итак, вернемся к вопросу, каковы варианты будущего Китая в плане его возможного лидерства в мире. При замедлении темпов развития в ближайшее время

Китай еще долго будет оставаться второй экономикой мира, сокращая разрыв с США<sup>5</sup>. Но и при такой ситуации он обречен быть экономической сверхдержавой. Китай фактически и сегодня является ею, что и доказал в период рецессии, поддерживая мировые цены и объемы. На мой взгляд, в известной мере позиция второй экономики даже удобнее: во-первых, есть цель догнать, во-вторых, меньше спроса в плане помощи бедным странам и т. п. То есть можно продолжать идти в фарватере лидера, как Китай и делал до сих пор. Тем не менее даже при средних темпах роста у Китая есть шанс в 2030-е гг. стать первой по объему ВВП страной мира, хотя более вероятным представляется вариант, что в этот период китайское общество ждут серьезные трудности.

Имеется ли у Китая шанс стать первой по объему ВВП державой мира уже в начале 2020-х гг.? Да, такой шанс имеется, хотя, по нашему мнению, он не слишком велик. Тем не менее рассмотрим вариант, при котором Китай, посрамив прогнозы, в 2010-е гг. вновь продемонстрирует сверхвысокие темпы роста и в течение ближайшего десятилетия обгонит по ВВП США. Что это может означать для Китая и мира? Может ли тогда эта экономическая сверхдержава с наибольшим в мире объемом ВВП стать лидером Мир-Системы? На наш взгляд, нет. Во всяком случае, у Китая пока и в обозримом будущем недостаточно возможностей для этого. Почему? По целому ряду причин, из которых укажу только часть.

1. Определенная несамостоятельность китайской экономики. Нельзя забывать, что динамика, мощь и успехи китайской индустрии во многом пока еще основаны на привязке к другим, богатым экономикам.

2. Нельзя быть лидером мир-системы, оставаясь развивающейся страной. А Китай относит себя к развивающимся странам. И это не просто риторика или попытка получить некоторые льготы в ВТО. Это реальность. Как скоро развивающаяся страна станет развитой? Даже по планам китайского руководства до этого пройдет много времени. Между тем экономический лидер должен иметь высокий ВВП на душу населения, высокий уровень производительности труда и заработной платы. Очень сомнительно, чтобы Китай в обозримом будущем вошел по этим показателям хотя бы в первую десятку.

3. Китай будет оставаться очень уязвимым для критики не только из-за постоянного нарушения прав человека, но особенно из-за плохой экологии.

4. Ограничения в военной и внешнеполитической сферах (о чем уже шла речь). Создав наибольший ВВП в мире, Китай (по-прежнему оставаясь бедным обществом) станет богатым государством, способным влиять на многие мировые экономические и финансовые тенденции, в том числе процессы вывоза капитала, ориентации сырьевых потоков, инвестирования за рубежом, финансовой поддержки нуждающихся стран. Китай способен стать достаточно мощной (но отнюдь не первоклассной) военной державой, играть большую роль в принятии важных общемировых экономических решений. Также возрастет роль Китая в АТР, особенно в Восточной и Юго-Восточной Азии. Все это, конечно, сможет повысить статус Китая, но не сможет обеспечить позицию ведущего лидера Мир-Системы.

---

<sup>5</sup> Только Индия с ее быстро растущим населением, но в весьма отдаленной перспективе теоретически могла бы догнать Китай.

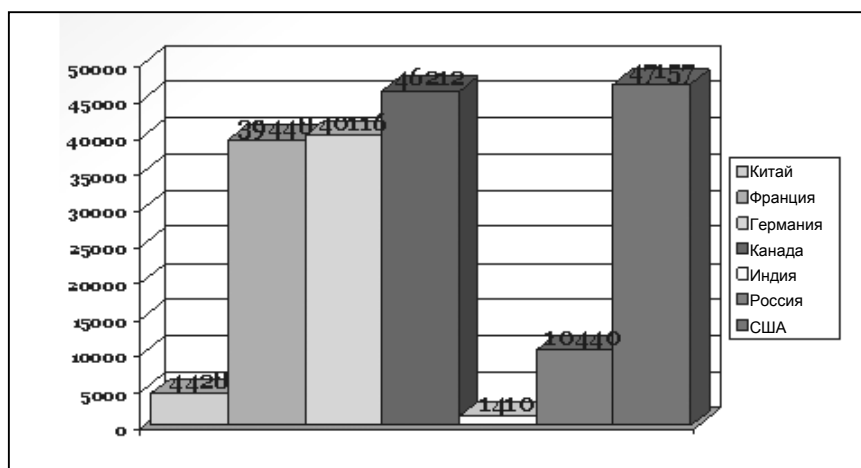


Рис. 4. ВВП на душу населения по текущему курсу долларов США, 2010 г.  
[World Bank 2012]

Положение экономической сверхдержавы, разумеется, будет побуждать к более активной политической и дипломатической деятельности, чтобы обеспечить свои позиции, защитить свои права, собственность и т. п. Но Китай еще довольно длительное время будет ориентирован на собственные сложные внутренние проблемы. Все внешние проблемы он и впредь будет рассматривать через внутренние, через призму того, обеспечит ли это экономический рост, поставки ресурсов и т. п. [см., например: Фишер 2011]. В этом плане позиция Китая напоминает поведение США в конце XIX – начале XX в. с их изоляционизмом при бурном экономическом росте. Такое сравнение очень полезно в плане ответа на вопрос, сможет ли Китай повторить путь США и стать главным центром Мир-Системы. При сравнении, однако, выявляется значительная разница в очень важных отношениях.

1. Еще не претендуя на лидерство, США в конце XIX в. стали ведущей экономической державой, обогнав Англию и Германию по общему объему ВВП и сравнявшись с Великобританией по ВВП на душу населения.

2. Производительность труда в США была очень высокой, в некоторых отношениях – наивысшей в мире (во многом из-за нехватки рабочей силы – ситуация, противоположная той, что наблюдается в Китае). О низкой производительности труда в Китае мы уже говорили.

3. США стали признанным инновационным лидером в техническом и организационном плане в начале XX в. (система научной организации труда Тейлора, система конвейерного производства Форда и т. п.), а в ряде отношений и намного ранее. Экономика же Китая в основном развивается на неинновационных и даже устаревших технологиях [см., например: Михеев 2008: 311, 319; Луконин, Михеев 2010]. И хотя Китай сегодня занимает третье место в мире по числу патентов (для нации, еще недавно абсолютно отстававшей, результат превосходный), пока еще нет направлений, где бы китайцы по инновациям были впереди всех, пока они упрашивают США продавать им высокие технологии.

4. Низкий уровень зарплаты – важнейшая часть китайской модели быстрого развития. Между тем уже в конце XIX в. (а в сущности, едва ли не с начала своего основания) зарплата в США была существенно выше европейской, что и послужило одной из главных причин наплыва туда иммигрантов.



5. Экономика США в отличие от китайской никогда не была экспортно ориентированной.

И еще один вывод позволяет сделать история. Переход от экономической мощи к политической гегемонии не происходит автоматически. США после Первой мировой войны вернулись к традиционному изоляционизму и еще в конце 1930-х гг. очень неохотно втягивались в европейскую политику, занимая позицию нейтралитета в гражданской войне в Испании, игнорируя войну Японии в Китае и т. п. Только нападение японцев на Перл-Харбор переломило ситуацию окончательно. Пока с трудом верится, что в ближайшие десятилетия мир окажется в таком состоянии, чтобы позвать на место лидера Китай.

### *Литература*

Андерсон Дж. Лекция. Экономический рост и государство в Китае [Электронный ресурс] : Полит.ру, 2008. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/07/17/china/>

Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. М. : Форум, 2009.

Ван Пэй. Экспортный сектор в модели экономического развития КНР: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.

Гельбрас В. Г. Китай: «У пчелы спина полосатая, но тигром ее не назовешь» // Вопросы экономики. 2003. № 3. С. 61–75.

Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

Гринин Л. Е. Ждут ли мир глобальные перемены? // Вестник РАН. 2011. № 4. С. 325–330.

Кульпин-Губайдуллин Э. С. Китайский вызов: пределы роста // История и современность. 2010. № 2. С. 140–143.

Луконин С. А., Михеев В. В. Китай и глобальный кризис. Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса / под ред. В. Б. Амирова, Е. А. Канаева, В. В. Михеева. М. : ИМЭМО РАН, 2010. С. 6–19.

Мельянцева В. А. Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 9. С. 18–25.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. : Европа, 2009.

Михеев В. В. Китай. Мировая экономика: прогноз до 2020. Мировая экономика: Прогноз до 2020 года / под ред. А. А. Дынкина. М. : Магистр, 2008. С. 303–329.

Фишер Й. Китай как сверхдержава. 2011 [Электронный ресурс] : URL: <http://www.csef.ru/studies/politics/projects/china/articles/1768>

Хуан Я. Капитализм по-китайски. Государство и бизнес. М. : Альпина Паблишерз, 2010.

Ху Аньган. Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 1. С. 34–42.

Berthelsen J. Is This the China that Can't? // Asia Sentinel. 2011. May 18 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com\\_content&task=view&id=3200&Itemid=422%20](http://www.asiasentinel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=3200&Itemid=422%20)

Eichengreen B. Slowing China. Project Syndicate. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/eichengreen28/English>

Wang H. H. Myth of China as a Superpower. 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://helenhwang.net/2010/04/myth-of-china-as-a-superpower/>

World Bank. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>

Zakaria F. The Post-American World. New York, NY : Norton, 2009.